

УДК 811.512.212, 81'34
UDC 811.512.212, 81'34

**Морозова Ольга Николаевна, Андросова Светлана Викторовна,
Кравец Татьяна Владимировна, Процукович Елена Александровна**

**Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova,
Tatiana V. Kravets, Elena A. Protsukovich**

**Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation**

morozova_olga06@mail.ru

androsova_s@mail.ru

t_kravetc@mail.ru

amursea@mail.ru

**ГЛАСНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА МЕСТЕ КАНОНИЧЕСКОЙ ДОЛГОЙ
ФОНЕМЫ /з:/ В СЕЛЕМДЖИНСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНКИЙСКОГО
ЯЗЫКА И ИХ ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС***
**PHONETIC PATTERNS OF CANONICAL /з:/ IN THE SELEMDZHA
ACCENT OF THE EVENKI LANGUAGE AND THEIR
PHONOLOGICAL STATUS**

Аннотация

Высокая степень вариантности фонологической системы и моделей её реализации и исчезающий статус эвенкийского языка обуславливают настоятельную необходимость рассмотрения парадигматических и синтагматических фонологических отличий говоров друг от друга и от литературного эвенкийского. Настоящая статья представляет собой акустический анализ феномена «аканья» в селемджинском говоре эвенкийского языка. Полученные результаты, с одной стороны, однозначно подтвердили систематическую замену канонического /з:/ на открытый а-образный звук, а с другой – выявили стабильно бóльшую открытость реализаций на месте собственно /а:/. Кроме того, была отмечена дикторская вариантность в реализации характеристики ряда у этих гласных. Значительной разницы по длительности не выявлено. В ходе дальнейших исследований необходимо выяснить, насколько выявленная акустическая разница будет перцептивно значимой.

Abstract

Considerable variability of the Evenki phonological system and its realization patterns as well as its endangered status determine the urgent need for considering paradigmatic and syntagmatic phonological differences among Evenki accents and between accents and standard Evenki. The current paper presents the results of an acoustic study of a-like accent forming in the Selemdzha accent. On the one hand, the obtained results clearly indicate consistent substitute of canonical /з:/ with open a-like sound. On the other hand, canonical

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

/a:/ tokens demonstrated greater openness compared to the ones that replaced canonical /з:/. In addition, there was considerable across-speaker variation concerning the feature of advancement-retraction. No significant duration difference was discovered. Further study is necessary to find out if the obtained acoustic difference is perceptually relevant.

Ключевые слова: исчезающие языки, акающие говоры восточного наречия эвенкийского языка, селемджинский говор, гласные, акустические характеристики.

Keywords: endangered languages, a-like accents of the eastern dialect group, Selemdzha accent, vowels, acoustic features.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_63_73

1. Введение

Исчезающий эвенкийский язык характеризуется высокой степенью вариантности фонологической системы и моделей её реализации, будучи представленным более, чем пятьюдесятью говорами. Селемджинский говор, пожалуй, подвергается наибольшей опасности, поскольку на данный момент насчитывает всего 15 носителей языка, способных свободно говорить на нём. Именно поэтому возникла настоятельная необходимость рассмотреть особенности, отличающие его от литературного¹ эвенкийского, сформированного на основе говоров Подкаменной Тунгуски (Забайкальский край). К одной из таких особенностей, согласно литературным данным, относится долгая гласная фонема /з:/ [Василевич, 1948, с. 263 ; Булатова, 1987, с. 13 ; Морозова et al., 2017]. Её дистрибуция ограничена серединой и конечной позициями в слове в эвенкийском языке в целом. В начальной позиции она фигурирует только в двух словах: *эрь-мй* «звать, позвать» (и его производные), *Эңдеkit* «мифическая река, ведущая в мир мёртвых».

Поскольку селемджинский говор относится к восточному наречию², речь его носителей характеризуется «акающим» акцентом [Булатова, 1987, с. 13 ; Морозова et al., 2017, с. 68], который, с позиций Щербовской фонологической школы, должен означать фонемную замену – реализацию гласного /а:/ (вероятно, долгого – в литературных данных комментарии по этому поводу отсутствуют) на месте канонического долгого /з:/. Данная фонологическая интерпретация полностью укладывается в широкое пони-

¹ Мы не используем термин «стандартное эвенкийское произношение», поскольку произносительный стандарт, будучи искусственно навязанным, так и не был принят жителями эвенкийских поселений – носителями двух других наречий, что создало серьёзные расхождения между написанием и произношением. На месте буквы «э» с надчёркиванием, предполагающей в литературном эвенкийском реализацию долгой фонемы /з:/, фактически, носителями восточного наречия произносится гласный [а], а носителями северного наречия – гласный [о] [Булатова, 1987, с. 13].

² Одному из трёх наречий данного языка [Булатова, 1987 ; Цинциус, 1949].

мание нормы как общеязыковой категории, которая характеризует различные языковые образования (литературный язык, диалекты, социолекты и т. д.) [Косериу, 2010, с. 136 ; Наумов, 2010], которой придерживаются и авторы настоящего исследования. Сказанное, в свою очередь, означает, что, вероятно, долгая фонема /з:/ отсутствует в селемджинском говоре эвенкийского языка.

Следует отметить, что это не единственный подобный прецедент. В 1936 году В. А. Горцевская [Горцевская, 1936, с. 4], анализируя работу Н. Н. Поппе, отметила отсутствие данной гласной фонемы в баргузинском говоре эвенкийского языка, относящемся к тому же восточному наречию. Позже В. И. Цинциус [Цинциус, 1949, с. 99] отметила, что долгая фонема /з:/ (для её обозначения автор использовал букву «э» с надчёркиванием) в отдельных говорах языков северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков часто выступает в виде вариаций $\bar{a}$ (акающие говоры эвенкийского и эвенского языков) или $\bar{o}$ (окающие говоры тех же языков), а в южной подгруппе обычно находит себе соответствие в виде $\bar{e} \sim \bar{e}$. Такая интерпретация могла бы соответствовать теории фонемы и её аллофонов Московской фонологической школы, которая предусматривает возможность «перекрещивания» аллофонов (один и тот же аллофон может представлять разные фонемы). Вместе с тем, применение такой тактики к несовпадающим фонологическим единицам разных наречий и говоров одного языка представляется весьма спорным. Существование варианта / вариации / аллофона / оттенка [а:], представляющей фонему /з:/, требует, по крайней мере, наличия самого [з:], а такового в селемджинском говоре, похоже, не наблюдается.

Для селемджинского говора, кроме указанной замены долгой /з:/ на долгую /а:/, это может ещё и означать возможность аналогичной замены краткой /з/ на /а/ (по логике вещей – на краткую)³. Это в свою очередь может означать, как минимум, ограничение дистрибуции краткого /з/, в случае если «аканье» распространилось не на все позиции, или даже полное вытеснение коррелятивной пары из вокализма данного говора, если «аканье» имеет место во всех позициях.

Учитывая вышесказанное, сформулируем гипотезу настоящего исследования.

1. В селемджинском говоре эвенкийского языка общепринятой является исторически сложившаяся замена долгой фонемы /з:/ на долгую /а:/, в результате которой система гласных в данном говоре насчитывает меньше единиц.

2. Указанная парадигматическая и синтагматическая особенности ведут к нарушению сингармонизма в данном говоре эвенкийского языка.

Для проверки выдвинутой гипотезы был проведён акустический эксперимент.

³ В данном исследовании мы ограничимся лишь первой упомянутой парой.

2. Акустический анализ

2.1. Материал и методика исследования

В исследовании был использован звуковой материал, полученный от одного мужчины (Dm) и двух женщин (Df1, Df2) в возрасте 54–72 лет, для которых эвенкийский язык является в полном смысле родным, то есть усвоенным с самого раннего возраста в кругу семьи, а русским – вторым языком, усвоенным в период обучения в школе (с семи лет). Все дикторы демонстрируют полный билингвизм (т. е. свободное владение обоими языками).

В основной корпус исследования вошли изолированные слова, в которых, по слуховым впечатлениям, вместо долгой фонемы /з:/ реализуется долгая /а:/. Каждое слово было записано в троекратном повторении. Запись осуществлялась в лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков Амурского государственного университета. Запись производилась при стандартных параметрах оцифровки (44 кГц, 16 бит, моно) с помощью программы Audacity [Audacity, 2016]. Кроме того, были использованы некоторые фрагменты из спонтанной речи одного из носителей исследуемого говора, записанной в аналогичных условиях. Уровень владения русским языком данного диктора был оценён группой экспертов-русистов как посредственный.

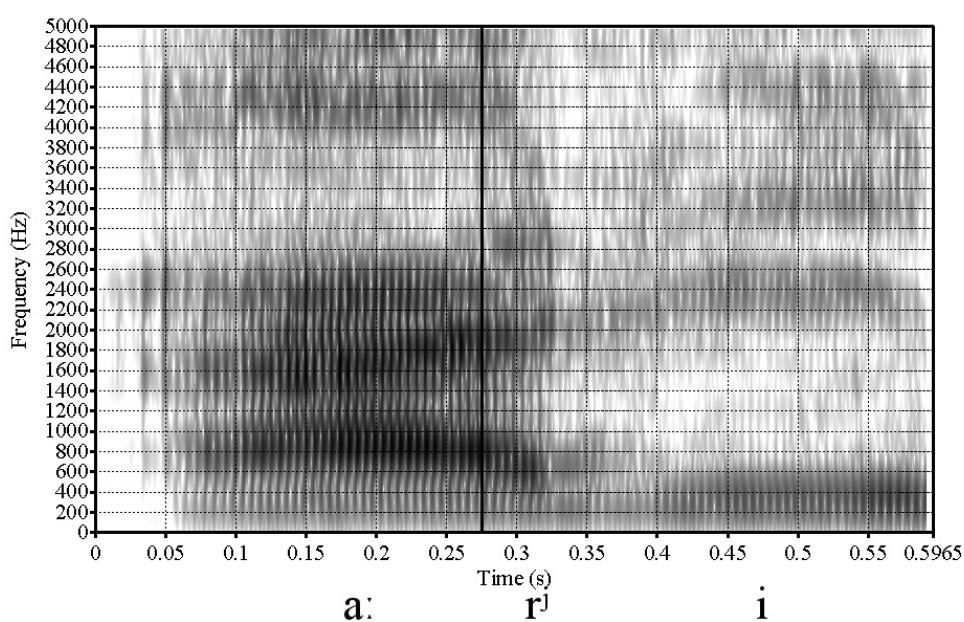
Акустический анализ (сегментация, замеры длительности и значений первой и второй формант – F1, F2) проводился в программе PRAAT [Boersma, 2017]. Для каждого гласного было проанализировано по 18 реализаций от каждого диктора. Общее количество реализаций – 108 (54 на месте /з:/ и столько же – на месте /а:/).

Прежде чем приступить к обсуждению результатов, необходимо отметить ряд трудностей, с которыми столкнулись авторы настоящего исследования в связи с неоднозначностью отношений «написание – фонема». Каноническая гласная /з:/ на письме обозначается буквой *э*, однако на нашем материале отмечен не один, как ожидалось – /а:/, – а два варианта прочтения данной буквы: /а:/ (*э́рими* «звать, позвать» *э́ңдекит*, *кумикэ́н* «жук», *гэлэ́ми* «просить») и /е:/ (*э́кун* «что», *э́мā* «какой», *э́куды-кат* «любой»). Как видно из приведённых примеров, перекрещивание этих прочтений происходит и в начальной позиции. Нельзя не отметить, что и сами дикторы-эвенки – носители «акающего» говора – испытывали немалые сложности, столкнувшись со словами, содержащими в написании данную букву, и далеко не сразу узнавали эти слова. Порой им было проще вспомнить соответствующее эвенкийское слово, посмотрев на русский перевод. Указанные факты поднимают ещё одну проблему, относящуюся к современной эвенкийской письменности и её потенциала не разрушать, а сохранять аутентичные модели реализации эвенкийских фонем.

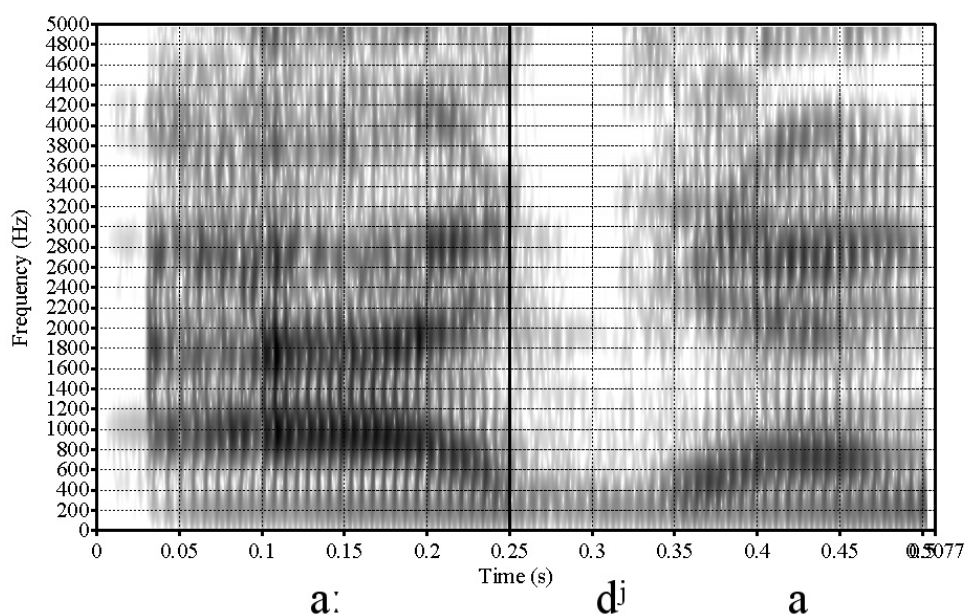
2.1. Обсуждение результатов

Как уже упоминалось, дистрибуция долгой фонемы ограничена срединной и конечной позициями в слове. В начальной позиции не употребляется. В словах *э́рими* «звать, позвать» и *э́ңдекит* «мифическая река,

ведущая в мир мёртвых» с начальной канонической /з:/ в речи исследуемых дикторов реализуется долгая /а:/, о чём свидетельствует формантная картина, особенно – высокое значение F1 (средние значения формант гласного в реализациях указанных слов составили: F1=787, F2=1628). На рисунке 1 приведён один из таких примеров. Для сравнения на рисунке 2 приведён пример реализации канонического /а:/.

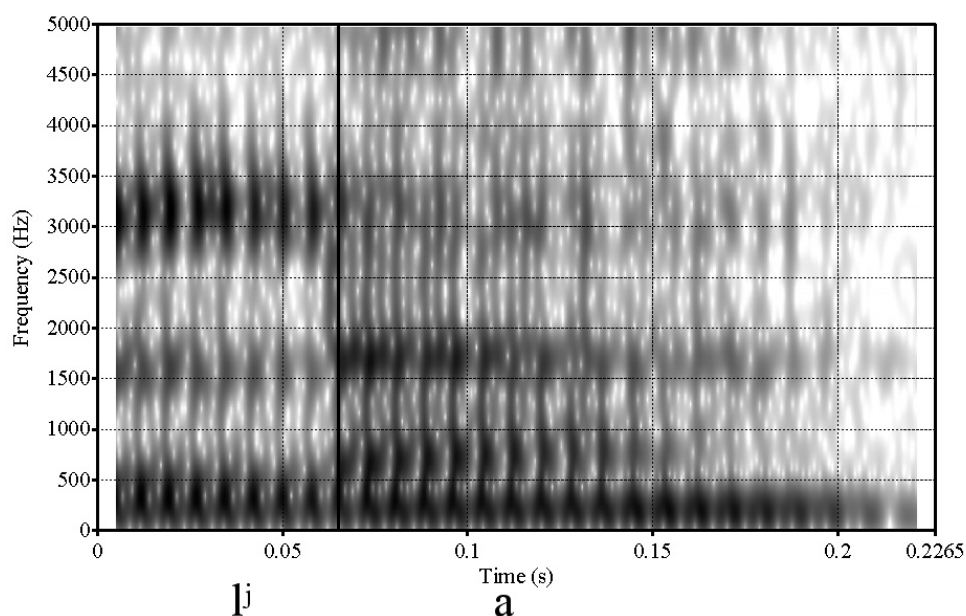
Р и с у н о к 1. Реализация долгой /а:/ на месте /з:/ из слова *эри́ми* «звать, позвать»

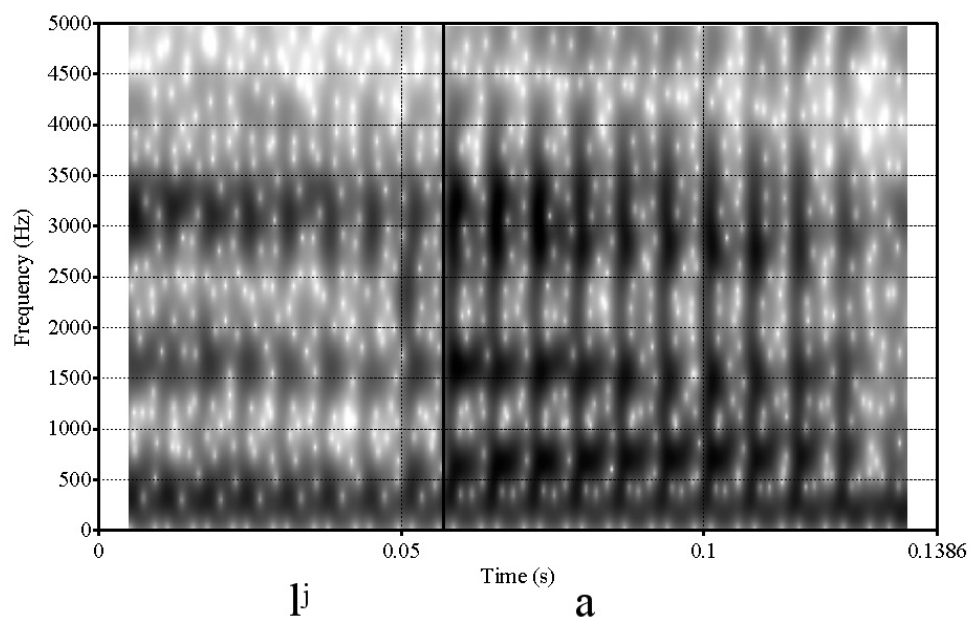
Р и с у н о к 2. Реализация долгой /а:/ из слова *а́дямй* «поспать»

На обоих рисунках стационарные участки до зоны перехода к следующему согласному явно акустически схожи как по F1, так и по F2.

В абсолютном конце слов каноническая /з:/ в 100% случаев заменялась на долгую /а:/. Указанная замена имеет место, например, в корнях слов типа *бэйнгэ* «зверь», *некэ* «соболь», *сэксэ* «кровь» и подобных, а также в суффиксе *-лэ*. В последнем случае возникает омофония суффиксов *-лэ* и *-ла̃*, которую можно наглядно продемонстрировать на рисунках 3–4.

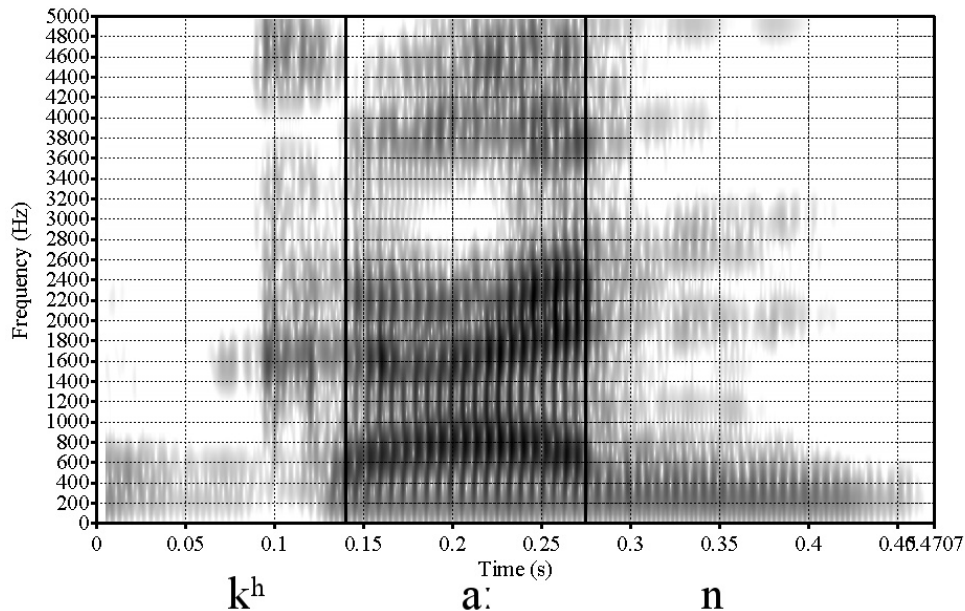

Р и с у н о к 3. Реализация долгой /а:/ из слова *посёлкалэ* «посёлок»

Р и с у н о к 4. Реализация долгой /а:/ на месте канонической /з:/ из слова *ихэвдэлэ* «пока не выросла»

В середине слова в суффиксах *-кэн*, *-чэн*, *-мэн* и корневой морфеме также реализуется а-образный гласный: например, *ирэксэ* «шкура оленя». Один из характерных примеров – суффикс *-кэн* из слова *урэкэн* «горка» – приведён на рисунке 5.

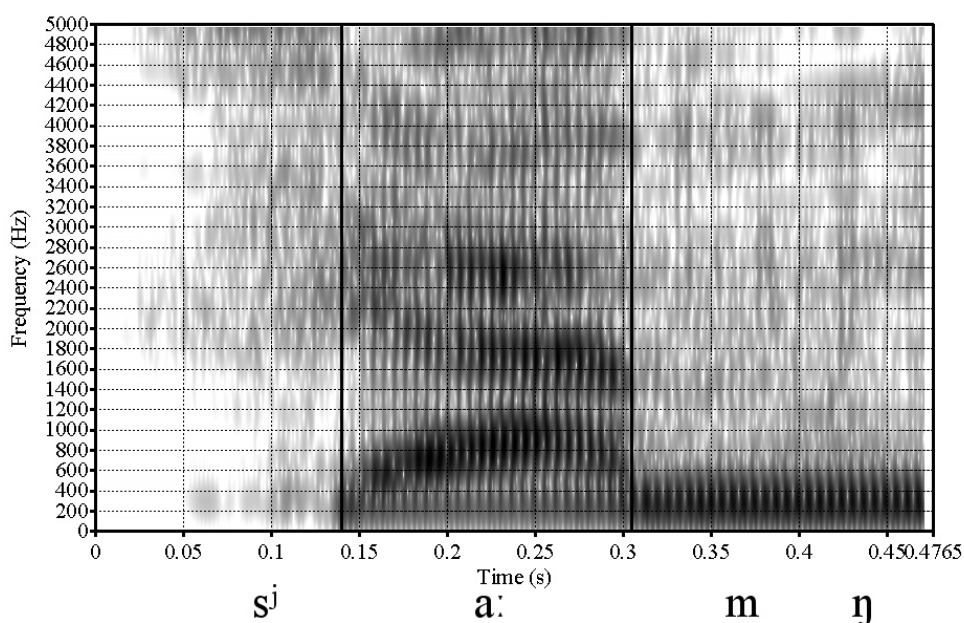

Р и с у н о к 5. Реализация долгой /a:/ на месте канонической /з:/ из слова *урэкэн* «горка»

В сочетании с предшествующей фонемой /s/ замена /з:/ на /a:/ сопровождалась реализацией предшествующего мягкого аллофона [sʲ]⁴, на что указывал соответствующий i-образный переход как, например, в слове *сэмнгимй* «потерять» (см. рис. 6). В препозиции к канонической /a:/ был реализован исключительно твёрдый аллофон. Таким образом, в данной точке синтагматики потенциальной омофонии не возникало по причине существенных акустических отличий, выраженных наличием либо отсутствием i-образного перехода, и разной дистрибуции твёрдого и мягкого аллофона фонемы /s/.

Для а-образных реализаций на месте канонического /з:/ и для реализаций собственно /a:/ по каждому диктору были вычислены средние значения, первый и третий квартили (среднее минимальное и среднее максимально значения соответственно) и длительность (см. табл. 1). У всех дикторов отмечалась разница по всем указанным параметрам для F1 в сторону больших значений для реализации собственно /a:/ по сравнению с а-образными реализациями на месте канонического /з:/, хотя последние, безусловно, следует считать открытыми, а не среднего подъёма, как предполагается для канонического /з:/.

⁴ По признаку мягкости в эвенкийском языке есть только две коррелятивные пары: /d/-/dʲ/, /n/-/nʲ/ [Василевич, 1948, с. 6 ; Константинова 1964, с. 22–23].

Р и с у н о к 6. Реализация долгой /a:/ на месте канонической /з:/ после мягкого [sʲ] из слова сѣмнѣмъ «потерять»

По F2 у Dm наблюдалась обратная тенденция – более высокие значения у а-образных реализаций на месте канонического /з:/, что свидетельствует об их более переднем характере по сравнению с реализациями собственно /a:/. Для Df1-2, наоборот, значения F2 канонической /a:/ превышали а-образные реализации на месте /з:/, что свидетельствует о более переднем характере /a:/. Значительной разницы по длительности для Dm и Df1 не отмечено; для Df2 длительность реализаций канонического /a:/ превышала длительность а-образных реализаций на месте /з:/.

Т а б л и ц а 1. Статистическая обработка акустических параметров

Диктор	Параметр	F1	F2	Длительность	F1	F2	Длительность
		/з:/→/a:/			/a:/		
Dm	Среднее	772	1656	166	894	1537	181
	1 квартиль	744	1590	132	820	1496	126
	3 квартиль	796	1704	210	978	1567	232
Df1	Среднее	759	1496	235	866	1671	239
	1 квартиль	716	1424	200	845	1614	177
	3 квартиль	791	1572	267	890	1730	278
Df2	Среднее	663	1601	115	773	1690	156
	1 квартиль	597	1527	92	737	1662	125
	3 квартиль	721	1694	122	799	1719	175

Как показывают вычисленные статистические параметры, колебания значений F1 и F2 были в ряде случаев весьма заметными, что, разумеется, обусловлено влиянием фонетического окружения – разного согласного контекста, однако значения не перекрещивались, за исключением 3 квартиля для F2 по /з:/→/а:/ и 1 квартиля для F2 по канонической /а:/ у Df2 (практически одинаковые значения). Разброс значений длительности был более заметным для реализаций канонической /а:/.

3. Заключение

Проведённый акустический анализ реализаций канонических /з:/ и /а:/ в разных позициях в слове и в окружении разных согласных подтвердил реализацию а-образного открытого гласного на месте канонического /з:/, о чём свидетельствуют полученные формантные значения. Вместе с тем, были выявлены несовпадения по формантной структуре а-образных реализаций на месте канонического /з:/ и реализаций канонического /а:/. То, насколько эта разница окажется перцептивно значимой, поможет выяснить перцептивный эксперимент, программа которого должна быть построена на потенциальных слогах и сочетаниях-омофонах.

Если указанная разница окажется перцептивно незначимой и омофония, действительно, будет иметь место, то это может означать далеко идущие последствия для вокализма селемджинского говора эвенкийского языка. Реализация долгой фонемы /а:/ на месте канонической долгой /з:/ подрывает закон гармонии гласных в эвенкийском языке. Возможно, имеется компенсаторный механизм, позволяющий на данном этапе развития языка удерживать эвенкийский сингармонизм в селемджинском говоре от разрушения. Таким механизмом может быть дистрибуция твёрдых и мягких аллофонов согласных в препозиции к каноническим /з:/ и /а:/. Следует отметить, что мягкость в случае фонемой /s/ может оказаться перцептивно-полезным признаком для интерпретации акустически а-образного гласного как канонического /з:/, поскольку аллофон [sʲ] с канонической /а:/ не сочетается, а значит потенциал для омофонии отсутствует. Между тем, указанное дистрибуционное ограничение не работает в других случаях, кроме /s/. В связи с этим, необходимо выяснить, будет ли действовать какой-либо компенсаторный механизм (возможно, выявленная разница по F1, F2) при наличии омофонии с мягкими аллофонами и при отсутствии смягчения, например, предыдущих заднеязычных согласных, после которых вместо /з:/ также реализуется а-образный гласный.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность Александру Михайловичу Певнову, Алексею Алексеевичу Бурыкину и Надежде Яковлевне Булатовой за неоценимую помощь в интерпретации спорных вопросов современной эвенкийской фонологии, связанных, в том числе с диахроническим аспектом данного языка.

Список литературы

1. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования [Текст] / Н. Я. Булатова / отв. ред. О. П. Суник ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, Ленингр. Отд-ние, 1987. – 168 с.
2. Булатова, Н. Я. Звуковой эвенкийско-русско-английский тематический словарь. Звуковой русско-эвенкийско-английский тематический словарь: на материале селемджинского говора эвенкийского языка [Текст] / Н. Я. Булатова, О. Н. Морозова, Г. А. Стручков / отв. ред. О. Н. Морозова, науч. ред. Н. Я. Булатова. – Благовещенск, 2017. – 210 с.
3. Бурыкин, А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка) [Текст] / А. А. Бурыкин. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 384 с.
4. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л., 1948. – 353 с.
5. Горцевская, В. А. Характеристика говоров баргузинских эвенков. По материалам Н. Н. Поппе [Текст] / В. А. Горцевская. – М.-Л. : Учпедгиз, 1936. – 104 с.
6. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л., Наука. 1964. – 274 с.
7. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история [Текст] / Э. Косериу. – М. : URSS, 2010. – 184 с.
8. Морозова, О. Н. Коллективный портрет селемджинских эвенков (фонетический аспект) [Текст] / О. Н. Морозова, Т. В. Кравец, С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 2. – С. 58–103.
9. Наумов, В. В. Государство и язык. Формулы власти и безвластия [Текст] / В. В. Наумов. – М. : КомКнига, 2010. – 184 с.
10. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1949. – 342 с.
11. Audacity (Version 2.1.3) [Computer program]. – 2016. – Retrieved from <<http://www.audacityteam.org>>.
12. Boersma, P. Praat: Doing phonetics by computer (Version 6.0.33) [Computer program] / P. Boersma, D. Weenink. – 2014. – Retrieved from <<http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>.

References

1. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya*. [Accents of Amur Region Evenks. Research materials]. Leningrad : Nauka Press.
2. Bulatova, N. Ya., Morozova, O. N., Struchkov, G. A. (2017). *Zvukovoy evenkiysko-russko-angliyskiy tematicheskij slovar'. Zvukovoy russko-evenkiysko-angliyskiy tematicheskij slovar': na materiale selemdzhinskogo govora evenkiyskogo yazyka* [Sound Evenki-Russian-English subject dictionary. Sound Russian-Evenki-English subject dictionary: Based on the Selemdzha accent of the Evenki language]. Blagoveshchensk.
3. Burykin, A. A. (2004). *Yazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoy forme (na materiale evenkiyskogo yazyka)* [A minority language in its written form (Based on Evenki)]. St. Petersburg : Asian-Studies-in-Petersburg Press.

4. Vasilevich, G. M. (1948). *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [The Outline of Evenki (Tungus) language dialects]. Leningrad.
5. Gortsevskaya, V. A. (1936). *Kharakteristika govora barguzinskikh evenkov. Po materialam N. N. Poppe* [Features of Barguzin Evenks accent. Based on N. N. Poppe materials]. Moscow ; Leningrad : Uchpedgiz Press.
6. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. – Moscow ; Leningrad : Nauka Press.
7. Koseriu, E. (2010). *Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya* [Synchrony, diachrony and history]. Moscow : URSS Press.
8. Morozova, O. N., Kravets, T. V., Androsova, S. V. (2017). Kollektivnyy portret selemdzhinskikh evenkov (foneticheskiy aspekt) [Collective portrait of Selemdzha Evenks' speech (phonetic aspect)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2 (3), 58–103.
9. Naumov, V. V. (2010). *Gosudarstvo i yazyk. Formuly vlasti i bezvlastiya* [State and language. The formula of power and the lack of power]. Moscow : KomKniga Press.
10. Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad.
11. Audacity. (2016). [Computer program] (Version 2.1.3). Retrieved from <<http://www.audacityteam.org>>.
12. Boersma, P., Weenink, D. (2014). *Praat: Doing phonetics by computer* [Computer program] (Version 6.0.33). Retrieved from <<http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>.